в Новый год незнакомец

или

Судьба и на печке найдет

Лана Полякова

Лана Полякова

Незнакомец в Новый год, или Судьба и на печке найдет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336642
SelfPub; 2024

Аннотация

Я готовилась встречать праздник со своим любимым. Ждала и верила, что получу в подарок кольцо и предложение о замужестве.Однако Новый год принёс много перемен. Любимый оказался предателем и изменщиком.Так, может быть, и нет на свете никакой любви? Возможно, лучше жить одной?Только никак не забывается случайный знакомый, с которым встретилась в первые часы Нового года.Но я уже не так доверчива, как прежде, и только мне самой решать, как жить дальше!

Лана Полякова Незнакомец в Новый год, или Судьба и на печке найдет

Пролог

Помаялась от окна к окну, залезла в кровать, которая оказалась ужасно неудобной, когда в ней нет любимого. Слишком большая. Слишком жёсткий матрац. И вообще, всё слишком.

Утром первым делом после душа с ещё мокрой головой, сделала тест на беременность и, отложив его на стиральную машину, не стала ждать результата, а пошла одеваться.

Сегодня суббота и меня ждёт куча домашних дел, чтобы не психовать в ожидании.

Ночью пришла смс-ка о том, что он доехал, и я ждала, пока сам позвонит, не отвлекая своим беспокойством. Мало ли, где и с кем там с утра и какие проблемы в Казани?

Нужно вывести Манюньку на улицу, и я успела надеть тёплые спортивные штанишки, когда в замке зашебуршал ключ.

Мы с Машкой на перегонки кинулись в коридор и практически одинаково затормозили. В распахнутую дверь вошёл тот самый тип, что был вместе с Борисом Георгиевичем. Которому я передавала ключи от своей машины.

Следом за ним в квартиру ввалились два мордоворота.

Я сделала шаг назад, попадая в неширокий коридор, ведущий на кухню. Отступила к кухонному окну, как бы отгораживаясь от мужчин мебелью. И автоматически схватила со стола перечницу, зажав её в кулаке от страха.

– Что происходит и зачем вы без ведома хозяина влезли в его квартиру? – спросила я дрогнувшим голосом.

– Собирай манатки и вали отсюда. У тебя пятнадцать минут. – спокойно произнёс страшный мужик треснутым голосом и усмехнулся.

Честно сказать, испугалась сильно. Я понимаю, что для этого типа с глазами акулы моя жизнь и моё здоровье не то что не важны. Их просто не существует в его вселенной.

– Хорошо. Дайте пройти, – как можно спокойнее ответила, содрогаясь в душе.

Тип криво ухмыльнулся и чуть отступил в сторону в тесном коридоре. Вроде и уступая мне дорогу, но и заставляя протискиваться мимо него.

Не поддаваясь на провокацию, я молча смотрела чуть мимо. Где-то в район чёрта, что сидит у него на левом плече.

Так мы стояли пару минут, затем тип хмыкнул и отошёл вглубь квартиры, а я на трясущихся ногах шагнула за ним.

В квартире два бугая сбрасывали мои вещи в мусорные чёрные пакеты, расхаживая по комнатам в уличных ботинках и оставляя за собой грязные следы.

Я постояла в дверях гостиной немного, наблюдая, и шагнула в спальню за телефоном.

Хрен с ним, с барахлом.

Манюнька заходилась в отчаянном лае, пытаясь выгнать из нашего дома захватчиков.

Не знаю, что заставило меня оглянуться. Интуиция? Или смена тональности Манюничкиного крика?

Я заметила, как собака исхитрилась цапнуть одного из бугаёв за ногу и он отшвырнул её. А затем начал движение, замахиваясь ногой.

– Не смей! – завизжала я на ультразвуке и кинула в мужика, пытаясь остановить, то, что сжимала в руке.

Он же убьёт мелкую собачку!

Мужик, надо отдать ему должное, среагировал верно. Начал приседать, уклоняться, заметив летящий предмет. На одной ноге.

Но поздно.

Я попала ему ровно в переносицу, разбивая хрупкий фарфор.

Грохот, мат, чих и визг собаки.

Во-первых, мужик не ожидал. Во-вторых, он стоял на одной ноге, второй замахнувшись на Маньку, ну и, в-третьих, облако перца довершило картину. И как результат – слёзы,

кровища из поцарапанного носа, мат и угрозы.

Мамочки! Вот теперь меня точно закопают!

Первая глава

– Новый год к нам мчится, скоро всё случится, пам-па-па-рам па-па-рам, – напевала я, разворачивая фольгу на запечённой с вечера картошечке.

Ёлку, которую мы вчера с Женькой так упорно устанавливали, я уже нарядила. Утку замариновала и нафаршировала. Осталось только запихнуть её вовремя в духовку.

Ох и классную на этот раз утку я прикупила! Не сильно жирную и мясную. Компактненькую. С нежной шкуркой. Чувствую, что с новым маринадом это будет бомба!

На радость Женьке.

Глянула на часы. Скоро мой любимый должен уже прийти с внезапно возникшей подработки.

Мы живём вместе уже полгода. И, думаю, пришло время принимать ответственное решение.

Я посмотрела на только сегодня подновлённый маникюр и пошевелила пальцами, представляя своё будущее колечко. Навряд ли стоит ожидать многого, мы пока не миллионеры,

но я буду рада и маленькому скромному символу нашей любви.

Так! Погоди мечтать! Ещё не всё готово!

Минут сорок у меня есть, успею управиться!

Пришло время нарезки салатов.

Как же в Новый год и без тазика оливье? Как-то и не по-человечески вовсе!

Вот я и кромсала. Сейчас ещё серебристые сигары запечённой морковки достану…

С сомнением посмотрела на получившийся салат, чувствуя незавершённость и неудовлетворённость.

Хотелось к уже известному добавить свежую нотку.

Колбасы настрогать? Нет! Колбаса забьёт куриное мясо своим искусственным вкусом. К чёрту колбасу!

Я в этот раз очень удачно купила бочковые солёные огурцы. Они убрали из салата уксусный вкус. Но теперь чего-то не хватало.

Кислого?

О! Мне недавно подружка советовала добавить тёртого зелёного яблочка в оливьешечку!

Где-то у меня были? Или не у меня?

Точно, это же Элка с пятого этажа ехала вчера со мной в лифте и волокла целый пакет пахучей симириночки!

Я накинула на плечи куртку, всё-таки на лестничной площадке прохладно. От постоянно шмыгающих туда-сюда со-

седей внутренняя входная дверь в подъезд была застопорена, и уличный морозец ощутимо пробирался внутрь. Не дожидаясь лифта, попрыгала по ступенькам вниз.

– Но-о-о-овый год к нам мчится, ско-о-о-оро-о-о трам-па-па-ра-рам, – вот же привязалась старая песенка!

Предвкушение праздника пузырилось в крови. Щекотало предчувствием.

Я позвонила настойчиво в Элкину дверь. Ну, где она там ходит? Давай скорее. Холодно же. Дует по голым ногам!

– С наступающим! – радостно выдала я приятельнице и шагнула через порог, стоило лишь ей приоткрыть дверь. – Яблоко дай! Два штуки. Я видела, ты вчера купила.

– Яблоко? – что-то странное мелькнуло в её взгляде, когда она, развернувшись, поплыла на кухню.

Только сейчас я обратила внимание на Элкин вид.

Растрёпанная, в легкомысленном шелковом халатике, румяная.

Кажется, я не вовремя ввалилась со своими кухонными страданиями, что поинтересней приготовить Женьке, чтобы порадовать его.

Кажется, у Элочки здесь личная жизнь кипит ключом.

Вот чёрт!

Неудобно-то как!

Я оглянулась, замечая на вешалке мужскую куртку как у моего Женьки… Хм, и манжеты также чуть подзатерлись от ежедневной носки. Да и ботинки такие же.

Всё-таки классные я ему ботинки купила! Надёжные и удобные! Вон и неведомый Элкин мужик такие же выбрал. Неубиваемые, как карьерный самосвал.

Я усмехнулась и сделала уже шаг назад, к входной двери, замечая, как Элка выплывает из кухни.

С яблоками.

В этот момент выглянуло солнце, и отчаянным лучом подсветило невозможную праздничную зелень фруктов.

Весеннюю.

Инородную в Элкином светло-сером коридоре.

Схватив, аж светящиеся яблоки, я уже почти вышла, когда странный скрип привлёк моё внимание.

Дверь в спальню была неплотно закрыта. И в этот момент, когда я дёрнула входную, впуская воздух, от сквозняка, гуляющего в подъезде, хлипкая преграда не выдержала и со скрежетом отодвигая придерживающий её стул, поползла, приоткрывая сокровенное.

Элкина спальня предстала перед моими глазами во всей своей откровенности.

И мой Женька, развалившийся на кровати, судорожно пытающийся скомкавшейся простынкой прикрыть наготу.

Вторая глава

– Женька-а-а? – взвизгнула от удивления я на последнем слоге, – это так ты работаешь в поте лица? Аки пчела! Весь в трудах, значит… Со всех нектар сосёшь… Шмель мохна-

тый!..

От изумления я никак не могла совладать с голосом, и он вихлялся, как собачий хвост. То в визг, то в рычание.

Никак не верилось. Увиденная картина не вписывалась в моё миропонимание. Ну не мог мой нежный и ласковый, кроткий Женечка так поступать. Он же трусоват! Слишком хрупкий и возвышенный для таких фортелей.

– Лисонька, это не то, что ты подумала! Только не нервничай! – запричитал этот работник сферы услуг, выставляя вперёд раскрытые ладони, при этом шелковая Элкина простынка потекла плавно вниз, обнажая все его намерения.

Понаобучали его на свою голову! Намерения у него открытые!

– Неужели это не то, что я думаю? – прошипела, делая шаг вперёд.

Женька активно закивал головой, да так, что стало страшно. Отвалится же сейчас головушка с тоненькой шейки.

И такая меня злость взяла, волной поднимаясь из живота за мгновение. Затапливая всё вокруг красной пеленой. Жаром заливая от макушки до кончиков покалывающих пальцев.

Ах ты ж тварь брехливая! Работничек!

И, размахнувшись, я резко, как учили, запустила своим коронным семиметровым крученным. Яблоком раздора прямо в лоб этого предателя.

Есть!

Раздался звучный бум-с. Яблоко лопнуло, и сок брызнул во все стороны, пачкая шёлк простыней и светлые обои спальни.

Женька рухнул на кровать, как подкошенный. Словно поверженный боец, раскинув руки и выставляя на всеобщее обозрение свою наготу. Его рыжие кудри картинно разлетелись вокруг головы шёлком к шёлку.

Элка, всё это время стоявшая с некрасиво распахнутым ртом в проёме, ведущем на кухню, завизжала истово, кидаясь к Женьке, причитая и всхлипывая.

Хрупкая Эллочка, ценительница прекрасного. Возвышенная и утончённая, брызгая слюной, орала словно потерпевшая.

– Что ты наделала, дура? Что мне с ним теперь делать? – добавляя площадной брани, кудахтала, сверкая голыми ногами, соседка.

Я огляделась, будто впервые замечая Элкину квартиру. С обоями в комнате, которые мы, кстати, смотрели вместе с Женькой. Всё такое воздушное и светленькое. Эльфийское. Сложно изогнутый претенциозный фонарь светильника на стене в коридоре, летящие многослойные узкие занавески из органзы на окнах. Светлый ковролин на полу.

Ненавижу ковролин!

– Забирай себе лохматого! Дарю тебе, подруга, этого шмеля. Пользуйся! Его барахло пришлю тебе курьером, – сказала я и развернулась к выходу на негнущихся ногах.

– Аривидерчи, беби! – усмехнувшись, хлопнула я от души её входной дверью.

Словно на ходулях, перетаскивая будто чужие ноги со ступени на ступень, я залезла на три этажа выше и, завалившись в свою квартиру, поспешно захлопнула дверь и задвинула щеколду.

Какая я молодец, что привинтила её в своё время!

Прошла на кухню и упала на стул, с удивлением рассматривая в своей руке чудом уцелевшее второе яблоко.

Зелёное.

Я поднесла фрукт к лицу и вдохнула насыщенный аромат осеннего сада.

Аромат плодов.

Ну что же! Если ты такое стойкое, то не пропадать же добру!

И я решительно натёрла на тёрочке неподъёмным жизненным опытом добытое яблочко в салат.

Вот тебе и последний штрих, Василиса!

Размечталась, глупая. Колечко тебе захотелось?

Радуйся, что не успели пожениться, и не размазывай сопли! Соберись!

Я встала, пошатываясь, и потопала в спальню. Оглядела фронт работ и, определившись с количеством, решительно взялась за телефон.

Купить в десять часов вечера коробки для барахла уже бывшего парня с курьерской доставкой на дом, оказалось

невозможно. Также вызвать курьера на доставку уже упакованного.

В канун Нового года тарифы курьерские взлетели с курьерской же скоростью.

Но разве такая ерунда может меня остановить?

Растеребив упаковку с мусорными мешками, я, врубив громко музыку, за полтора часа утолкала в них все вещи этого предателя.

Особое место занимала косметика Женечки. Специальные шампуни для кудрявых волос, маски, кондиционеры. Я и не замечала раньше, как много у этого нарцисса всего для ухода за собой, любимым.

А сколько прибамбасов для ухода за бородёнкой?

Даже неловко стало за свой самый дешёвый литровый шампунь из первого попавшегося магазина.

Да уж…

Не жить трепетному и утончённому эльфу с рабочей лошадью. Ничего-то между нами общего. Так, пшик один и моя мечта.

Так хотелось семьи.

Чтобы квартира, муж работящий, деточка. Лапочка-дочка с рыжими Женькиными кудряшками…

Чёрт с ним, сверху можно и котика. Мурлыку.

Мне скоро уже двадцать шесть. Позади институт и лёгкость в общении и знакомствах. Когда можно было запросто завалиться в любую компанию и через десять минут быть в

ней уже в доску своей.

Ушло то время безвозвратно. Вместе с участием в соревнованиях по гандболу и с вечностью юности.

Нужно было тогда, как все мои девчонки из команды, подыскивать себе мужа. А я всё ждала своего принца. Чтобы был только мой.

Вот и дотянула.

Оказавшись на работе, с удивлением поняла, что вокруг все мужики заняты. А компании сами собой ликвидировались.

И только я осталась одинока. С ипотечной двухкомнатной квартирой и сложным характером. И с тикающими, мать их, часиками.

Оглядев получившееся море мусорных пакетов, заполонивших всю прихожую, я со вздохом, методом перебежек, поволокла это богатство на пятый этаж.

Женькины пожитки заняли весь общий коридор рядом с Элкиной однушкой.

Ну, что. Теперь можно и включить звук на телефоне.

Аппарат немедленно ожил «Она не любит одино-о-очества-а…»

– Элка! Забирай хозяйство своего мохнатика, – гаркнула в трубку, поднимаясь к себе на этаж.

– Какого хрена… – разразилась бранью феечка.

– Дверь, фефёла, открой! – я сбросила вызов и, усмехнувшись, вышла с лестничной площадки в общий коридор на

своём этаже.

Третья глава

На этаже у двери отирался Женька. Пытался вставить ключ в замочную скважину.

В мою дверь! В мою квартиру!

Ах ты ж гад! Козёл!

– Ещё шаг, и я вызываю полицию. Куда лезешь в чужой дом? – гаркнула я, и Женька дёрнулся, отпрыгивая в сторону.

– Посмотри, что ты натворила! – взвизгнул мой бывший, указывая ухоженным пальчиком на шишку, что выросла рогом на его лбу.

Чуть правее центра.

Не тот уже бросок у меня, да. Без тренировок смещается прицел. А жаль…

– Шикарное украшение! Тебе идёт! – оценила я. – Ты ещё сходи, сними побои. Я готова даже штраф заплатить за удовольствие повторить. Для симметрии. Второй козлиный рог организую, только подойди ко мне ещё раз на расстояние броска.

– Дура ненормальная! Где мне жить теперь? Вещи мои

отдай! – бочком, и не сводя с меня внимательного взгляда, отходил вдоль стены в сторону лифтов Женька.

– Иди, под дверью полюбовницы своей собирай барахло, если она ещё не выкинула его на помойку, Казанова, – фыркнула я и отвернулась от придурка.

Как я могла только связаться с таким ничтожеством? Где были мои глаза?

Совсем ты не премудрая, Василиса!

Оглядела вокруг, закрывая на задвижку дверь, замечая разгром. Зайдя в спальню, села на край кровати.

Мы познакомились с Женькой, когда я только вселилась в эту квартиру. Я пришла в магазин выбирать технику в ванную и на кухню. Мне хотелось скидку, поскольку покупала не одну вещь.

И я вызвала старшего менеджера, или как там у них называется чуть более важный продавец, чем мальчик на побегушках в торговом зале.

Слово за слово, и я согласилась, чтобы симпатичный и обходительный Евгений сам установил мне стиралку, посудомойку и микроволновку с холодильником.

Я готова была придуриваться, что не понимаю, как включается робот-пылесос, ради его обаятельной улыбки с ямочкой на левой щеке.

Таким милым показался. Неустроенный. Одинокий. На съёмной квартире. Вечно голодный и с удовольствием уплетающий мою еду.

На удивление быстро у нас завязались отношения. Женя приглашал меня в кино, мы после работы ездили с ним иногда в парк или просто погулять. Много смеялись, Мне казалось, что этот утонченный мальчик меня понимает. Кстати, отчего-то Женька, который на самом деле, мой ровесник, однако воспринимался мной как юный и неопытный.

Потом стало холодать, и как-то всё чаще мы оставались в моей квартире. А там как-то само собой получилось, что и ночевать ему удобнее е меня.

Женька легко вписался в мою жизнь.

При том, что я обычно непросто схожусь с людьми, с ним мне было комфортно. Я не боялась его и не ждала от этого утончённого и нежного мальчика подвоха.

Возможно, оттого, что инициатива совместного проживания и сближения исходила от него?

Так и зажили вместе в моей квартире. Незаметно для меня самой.

Я надеялась, что смогу построить любовь. Что взаимное уважение, интерес и взаимоотдача рано или поздно переродятся в более глубокое чувство. Пусть не страстная и яркая моя любовь, но я взращивала это чувство, словно садовник.

Удаляла сорняки.

Не позволяла сомнениям грызть себя.

Старалась.

Надеялась на командную работу, а оказалась одиноким игроком.

Потому что очень сильно хотела семью. Я созрела до семьи, ощущала свою ущербность в одиночестве.

Но оказалось, что Женька хотел вкусно есть и чисто спать. Ему не нужна ни я, ни семья.

Я просто была для него удобным вариантом не платить за квартиру. С дополнительными функциями.

Ну вот и всё.

История моего короткого совместного проживания с Женькой в прошлом, уже в прошлом. Нужно немного потерпеть, пока боль станет не такой острой. Затем сделать вывод из случившегося и жить дальше!

Я рвано вздохнула, набирая в лёгкие как можно больше воздуха, задержала его, представляя себя воздушным шариком. А затем резко выдохнула всё-всё вместе со своими обидами. До слёз.

Теперь номера обоих предателей в чёрный список в телефоне, и можно считать, что старый год я проводила. С фейерверком!

Встала, кряхтя, и пошаркала в ванную. Ведь время к полуночи, а у меня бардак в доме!

Обида и злость на себя за свою наивность, за свою искренность не с тем человеком подкатывала едким комом к горлу!

А я знаю с детства один шикарный способ не позволять себе раскисать! Тряпку и щётку в руки, и – вперёд.

У меня есть ещё минут сорок, чтобы духа этого придурка не осталось на моей территории!

Кыш!

Через некоторое время залезла в душевую кабину, чтобы постоять под тёплыми струями, стараясь ни о чем не думать.

Ну что, Василиса? Далеко тебе до прекрасной?!

Изучала себя в зеркале, высушивая на самом сильном режиме свои волосы. У меня хороший рост. Метр семьдесят с копеечкой. И сильное спортивное тело. Если мне не ходить в зал, то я быстро поплыву вширь.

В целом – кровь с молоком, как говорила моя бабушка.

Совсем не тонкая-звонкая эльфиечка.

Рядом с Женькой я смотрелась несколько тяжеловесно.

Впрочем, меня это не смущало. Я своё тело люблю и понимаю.

Я с детства знаю ещё одно средство от обиды и слёз! Нужно идти и радоваться! Смех, он почти как рыдания, только лучше. Эффективнее.

Берём шампанское, и геть на улицу, во двор!

Идём праздновать в народ!

До Нового года остаются жалкие пятнадцать минут!

Четвертая глава

Я прихватила бутылку шампанского из холодильника и

вылетела на улицу, решительно настроенная на веселье!

Сразу за нашим домом, с тыла, начинается слегка облагороженный парк и Борисовские пруды. Чуть левее церковь, а правее, ближе к спуску, за школой, я видела, ребятишки устраивали снежные бои.

В квартире напротив меня живёт семья с тремя сорванцами. С виду совершенно ангельские создания. Бледные и светловолосые худенькие московские детки. Погодки. Два пацана и девочка–принцесса. Машенька. Манюнька.

Заводила этой банды.

Она подкидывает идеи, продумывает их младший, а движущая сила этого страшного ОПГ – это старший брат.

На счету у них немало проказ. Начиная с открученного тоненькими детскими пальчиками унитаза и связки пустых консервных банок верёвкой на ручке мусоропровода. Сигнализация. Изнутри.

А заканчивая белой крыской, которую мы искали всем подъездом.

Принцесса Марья, экономя на собственных завтраках, пожалела несчастную и купила в зоомагазине.

Втайне от всех.

Потому что Крыске-Лариске было одиноко и скучно сидеть целыми днями в клетке.

Машка поселила её в ящике своего письменного стола.

Вначале не спали, и искали, кто это грызёт их кровать ночью, родители Манюньки. А затем присоединилась к ищу-

щим я, как соседка по смежному коридору.

В общем, поиски были долгими и безрезультатными. Пока однажды, случайно, бабулька с верхнего этажа не обнаружила крыску, спящую на своём коте Персике. Он почти белый. Ленивый и спокойный, как и положено пожилому персу. Вот и пригрел захребетницу.

Посмеиваясь, крыску в специальной клетке вернули рыдающей Машке.

Вот на эту банду я и рассчитывала, надевая лыжный спортивный костюм.

На улице было отлично. Пощипывал щёки лёгкий морозец, горели оранжевым тёплым светом фонари, а взрывы музыки и смеха соревновались друг с другом, вырываясь из окон.

Недавно выпал снег, и теперь искрился сугробами по сторонам от дорожек.

Было довольно людно. То тут, то там слышен смех и поздравления. Люди с волнительным предвкушением ожидали чуда Нового года.

Как я и рассчитывала, банда была на месте и с ними ещё два незнакомых мне мальчика.

Взрослые тусили тут же, чуть в стороне. Под фонарём. Стараясь не сильно мять нестойкие пластиковые стаканчики, чокались и, смеясь, поздравляли друг друга.

– С наступающим! – влетела я, добавляя свою бутылку к батарее, прикорнувшей рядом в сугробе.

Мне немедленно вручили хрупкий стаканчик и дружно нестройным хором поздравили в ответ. Пусть не очень благозвучно, но искренне и с энтузиазмом.

Мы недолго переговаривались, и вот уже в мобильнике у соседа страну поздравляет президент. Оставались считаные секунды до того волшебного мига, когда мир замрет на долю мгновения, и начнется новый отсчет времени. Отсчет нового года. С новыми радостями и горестями. С возможностью изменить, исправить ошибки.

Пока разливали шампанское, раздался бой курантов, суета последних секунд и моё отчаянное, выскочившее из глубины чужой памятью, перед тем как выпить, опустошить до дна: «Суженый-ряженый, приди ко мне поужинать!»

Зашипели, взлетая, ракеты-шутихи, закрутился, разбрасывая цветные искры огней воткнутый неподалёку круг, забахал недалеко городской салют.

Москва взорвалась миллионами фейерверков, заискрилась праздником, обещая счастье и исполнение желаний.

Я выпила материализовавшееся в стаканчике шампанское одним глотком и, обещая вернуться, развернулась, чтобы шагнуть к детям, стряхивая с себя накатившую горечь печали.

– Банда! Предлагаю битву! Я одна против вас всех! – выкрикнула я застывшим в восторге сорванцам.

Секунда на размышление, и визг, сопровождающий летящий мне в лицо снежок, возвестил о начале сражения!

Вначале я их легко побеждала. Всё-таки опыт и возраст, а главное, внезапность сыграли своё.

Но детишки быстро прознали моё слабое место. Перегруппировались и, выделив парочку бойцов на производство снарядов, просто обрушили на меня слаженный залп! Завалили количеством!

Ага!

Следующий залп я коварно пропустила над собой, вовремя рухнув на снег. И снаряды попали в компанию молодых людей, что тоже вышла на воздух запускать фейерверки и любоваться на Московское новогоднее небо.

Битва после этого принимала эпические обороты!

Потому как родители детишечек тоже не остались в стороне, с победным кличем становясь на сторону своих отпрысков.

В разгар нашего сражения я вдруг, случайно промахнувшись, попала снежком за ворот незнакомому парню.

Удивительно.

Он стоял один, чуть в стороне от нас и с улыбкой наблюдал за нашей вознёй.

– Простите! Давайте я отряхну, – подскочила я к нему.

– Не стоит. Не беспокойтесь. С новым счастьем вас! – улыбнувшись, возразил молодой мужчина.

– И вас с Новым годом! – ответила ему на автомате. – вы один?

– Да, как-то тоскливо в Новый год одному без ёлки и без

оливье, вот и вышел в люди, – пожал плечами незнакомец.

С каких пьяных глаз и на адреналине мне вдруг пришла в голову шикарная идея подарить незнакомцу тазик с салатиком, я не смогу вспомнить никогда.

Но, заарканив несчастного, я целеустремлённо потащила его к своему подъезду.

– Стойте тут! И не смейте уходить! У меня для вас есть подарок! – решительно заявила я и поскакала к себе в квартирку.

Пятая глава

Аккуратно затянув тазик с оливьешечкой пищевой плёнкой и установив его в пакет, я, хихикая и представляя изумлённое лицо незнакомца, загрузилась в лифт.

Шампанское пузырилось в моей крови, щекотало предчувствием и лёгкостью, отключая голову. Набегавшись и наигравшись с детьми и взрослыми, накричавшись под залпы салютов, тело пело от выброса эндорфинов. Мышечная радость затмевала реальность.

Хотелось двигаться, бежать куда-то. Лететь!

На пятом этаже лифт тормознул, и в открывшейся двери мелькнули рыжие кудри и Элкина светло-голубая курточка.

Обида вспыхнула во мне, как полыхает огонь, в который плеснули бензина. Сразу! Пожаром выжигая радость жизни.

Комом поднимаясь из живота. Болью отдаваясь в груди и горя огнем вглазах.

Почему? За что они со мной так? Разве я достойна такого?

Чем я заслужила вот это вот пренебрежение к себе? Почему они решили, что так можно со мной поступать?

Элка не была моей подругой. Но она точно знала, с кем я живу. И она не раз встречала нас с Женькой вместе. И она понимала, что у нас серьезные планы!

Я точно знала, что Эллочка совсем не тот человек, который будет строить свою жизнь с продавцом из магазина. Пусть даже этот продавец называется менеджером и носит на себе бейджик, именуясь старшим.

Эллочка целенаправленно ловит рыбу покрупнее. Ей нужен «по меньшей мере, миллионер». Она не раз говорила об этом.

Так зачем было лезть между нами?

А Женька?

Он ведь готовился сделать мне на Новый год сюрприз! Знаю, что он хотел сделать мне предложение. Говорил, что любит. Кольцо купил…

Я ведь так старалась и столько вложила усилий в наши отношения. Ни разу не упрекнула его, что больше зарабатываю, и что живёт на всём готовом в моей квартире.

И что получила?

Настоящий, искренний и не замутненный лживыми словами сюрприз!

Почему эти люди позволили себе этот их «просто секс»? За мой счёт?

А сейчас? Что это было?

Испугался и сбежал? Побоялся, что я нахлобучу ему тазиком?

Засмеялась горько и, всё ещё фыркая от смеха, вылетела из подъезда и притормозила, оглядываясь.

Оставленный мной молодой мужчина на месте не обнаружился. На его месте появился здоровенный ровер. Кто-то, пока я бегала за салатиком, припарковал прямо у подъезда свою машину, уткнув узкофарную морду почти в ступени крыльца.

Ну кто так делает? Только о себе думают, о своем удобстве!

Может быть, так и нужно жить?

Хорошо, что хоть неширокий проход оставил, чудик-парковщик.

Я протиснулась мимо монстра автопрома и нашла своего потеряшку. Он стоял, прислонясь плечом к скруглённому углу автомобиля. Кокетливый козырёчек крыши ровера, отбрасывающий тень на заднее стекло, отчего-то привлёк моё внимание. Что-то с ним было не то.

– С Новым годом! – провозгласила я и, улыбнувшись, протянула парню пакет.

Вот этого выражения на лице я и ждала. Недоумение. Недоверие. Надежда. И радость.

Простые и понятные реакции человека, не ожидающего реальности подарков.

А дальше совершенно не ожидая от себя такого, я сделала шаг навстречу, встала на цыпочки и положила ладони на его плечи. Дунув тихонько мужчине в лицо и, заметив, как он сморгнул, потянулась навстречу его губам.

Высунув самый кончик языка я, пробуя, лизнула чуть оттопыренную нижнюю губу.

Сладко!

Потянулась к этой сладости и, нежно прихватив губами, немного втянула.

Вкусно!

Вначале он стоял столбом и только через несколько мгновений его твёрдые губы дрогнули и раскрылись мне навстречу.

Эта дрожь отозвалась во мне волной и пробежалась по позвоночнику, снося последние преграды.

Почему бы и нет?

Голова кружилась, и глаза закрылись сами собой.

Ничего не было в мире важнее, чем эти губы, чем этот поцелуй.

Нежно, податливо, и в то же время ведя свою линию, уводя в свои дали. Показывая другие горизонты.

Так я ещё ни разу не целовалась!

Разве так бывает?

– С новым счастьем, – прошептала, задыхаясь, когда он

отпустил меня на минутку.

– С новым! – согласился мой незнакомец.

И опять поцеловал.

Так, будто я самое важное сокровище для него. Будто он всю жизнь ждал меня и только меня.

Целуя, словно своё спасение и надежду.

Осторожно и нежно пробуя меня на вкус.

Как мы оказались в машине, я не помню.

Только осознав себя внутри монстра я, пользуясь случаем, наконец-то высказала, что я думаю по поводу наглых парковщиков мордой в подъезд!

На что в ответ мы снова целовались, и он извинялся этим поцелуем за всё сразу.

Ехали вроде бы недолго. Не могу точно утверждать, у меня был более интересный объект для изучения, чем какой-то там маршрут.

Между нами искрило так, что вообще непонятно, как мы доехали без аварий. Моя голова кружилась, не переставая. То ли от шампанского, то ли от поцелуев, то ли от моей отчаянной смелости.

Сквозь прозрачную крышу были видны вспышки затухающих фейерверков в ночном небе и ночные огни. Мелькали украшенные к празднику растяжки над дорогой. Пролетали, освещенные отсветами далеких огней, разноцветные фасады домов.

Волшебно!

В незнакомом лифте, глянув в зеркало напротив двери, я изумилась: кто эта красотка с горящими глазами и совершенно шальной улыбкой? Я ли?

Но, когда меня развернули, и опять поцеловали, очнувшиеся было мысли вновь ушли в глубокий обморок.

Кыш! Для вас сейчас нет ни места, ни времени!

Шестая глава

Проснулась словно от толчка. Моментально.

Вздрогнув, вдохнула, осознавая себя.

Было тепло и удобно, а воздух пах свежестью зимнего утра. Так бывает за городом. И тишина. Как в детстве.

Я потянулась, словно довольная кошка, ощущая каждую свою косточку, и открыла глаза.

И вначале абсолютно не поняла, где это я? А потом как поняла!..

Ужас какой!

Сама незнакомого мужика… Ой, мама…

Прислушалась, ожидая звуков квартиры. Льющейся воды или звона посуды. Было тихо. Не слышно ни звука.

Как мне сейчас, поутру, при встрече ему в глаза смотреть?

Ой, как неудобно!

Я выползла из-под заботливо подоткнутого одеяла, огляделась, и, не заметив своих вещей, в растерянности хлопнула глазами.

Что делать-то?

И где мой ночной безымянный знакомый?

Хотя отчего это безымянный?

И я вспомнила, как, улыбаясь глазами, уже в кровати перед тем, как… Ну, в общем, представился мне мужчина эффектно. И откровенно.

Кровь прилила к лицу и опалила щёки. Ничего себе ты, Вася, отновогоднилась! Забылась, так забылась!

Отожгла!

На цыпочках, стараясь не шуметь, я выбралась из комнаты и оказалась в гостиной.

Увиденный диван моментально всколыхнул в памяти происходящее на нём ночью.

Ох!

Я зажмурилась и встряхнула головой.

Так, Василиса, не тупи! Судя по всему, хозяин квартиры ушёл куда-то, и звук хлопнувшей закрывающейся двери меня и разбудил. Хочу ли я встретиться с ним вновь? Нужно ли мне это?

Хочу ли я продолжить знакомство, узнать Андрея поближе. Ох! Ещё ближе?

Разве может вырасти что-то нормальное и серьёзное из случайной связи?

Скоро хозяин квартиры вернётся, и что? Хочу ли я сейчас выслушивать неловкие попытки выставить меня за дверь?

Ну уж нет!

Пусть лучше останется в моей памяти как своеобразный Новогодний подарок.

Такая большая, во весь рост, пилюля от неудавшейся семейной жизни.

Я выдохнула и решительно шагнула в сторону ванной. Где-то там должен быть мой лыжный костюмчик.

Скоропостижно и нервно одевшись, морщась от сырого и несвежего белья, я пролетела в последний раз по квартире в поисках своих следов. Не оставлять же в чужом доме своё барахлишко?

Неловкость ситуации зашкаливала.

Как-то не доводилось мне раньше попадать в такое положение. Никогда ранее я не теряла настолько голову!

Я, словно споткнувшись, остановилась напротив приоткрытой двери на веранду-лоджию с огромными окнами от пола до потолка, уставившись на отпечатки моих ладоней на стекле. Вспомнила, как я стояла тут ночью, паря над миром, а Андрей шептал, обнимая горячими руками:

– Видишь звёзды?

Ох ты ж, мамочки!

Уже в коридоре, натягивая сырые ботинки, я заметила прикреплённую на пружинке ручку и блокнот на полочке для ключей.

«Поздравляю с первым днём года! Пусть останутся в прошлом все печали. Желаю, чтобы эта зима засыпала первым снегом все горести и невзгоды, закружила вьюгами и унесла подальше все неприятности и беды. Пусть всё начнётся с чистого листа, с чистого белого снега. Впереди – только хо-

рошее, в этом нет сомнений! Будь счастлив!» – написала я немного дрожащей рукой.

Входная дверь закрывалась на простой замок с собачкой. Я так и думала.

Дверь громко щёлкнула при нажатии, отрезая мои сомнения.

Вот и всё!

Под осуждающим взглядом консьержа, просверлившего два отверстия в моей спине, пока я открывала входную дверь, вылетела на улицу и пролетела пешком несколько метров, не ощущая мороза. Затем повернула за угол дома.

Чудом державший ещё последнюю зарядку телефон, с трудом работающий экран, еле-еле живой интернет, поиски таблички на домах, чтобы выяснить адрес местонахождения, потому что нужно беречь зарядку телефона, а не грузить долго карту, все эти навалившиеся заботы вытеснили мысли о причинах моего трусливого побега.

Некогда думать – прыгать надо!

Какое счастье, что можно оплатить вызов по безналу! Потому как денег у меня с собой, конечно же, тоже не было.

Машину пришлось ждать довольно долго. Я промёрзла насквозь в своих сырых после вчерашнего веселья вещах, не говоря уже об оледеневших ногах. Потерянные перчатки тоже не добавляли комфорта.

Впору было в отчаянном ожидании и в звенящей пустоте города прыгать на месте, приговаривая крылатое «Пить надо

меньше, надо меньше пить!» под морозный скрип снега.

В машине, погрузившись в весёлые песенки радио и молчаливое осуждение темноглазого шофера, я не успела отогреться. Казалось, что если попросить сделать печку сильнее, то от меня пойдёт пар. И только расслабься, как начнёшь стучать зубами.

За окном летящего такси город был пустой и тихий.

За ночь намело ещё снега, и он укрыл белым свежим покрывалом все следы вчерашнего. Будто и не было ничего.

Будто жизнь реально началась с чистого листа. Без прошлого. Без былых терзаний и забот. С нового, белого снега.

Мы приехали быстро. Мой подъезд встретил меня знакомым, проникающим до костей сквозняком.

И когда я, наконец-то, попала в свою квартиру, моральные терзания из меня окончательно выморозились.

Одна мысль о горячей ванне с пеной оставалась в моём сознании.

Всё остальное – неважно!

Телефон на зарядку, и ныряем в блаженное тепло!

Ноги от горячей воды свело болью, и в этот момент зазвонил телефон!

Какого лешего я его не выключила?!

Седьмая глава

Дотянулась до полотенца, и уже высушенной рукой ответила на звонок, нажав на громкую связь.

– С Новым годом, систер! – взвизгнула трубка голосом

моей сестры.

Звонкий крик отразился от стен ванной комнаты колокольчиком. Расплескался праздничными брызгами, вонзаясь в мои виски сотней буравчиков и отскакивая от затылка обратно.

– М–м–м…

Людмила, моя краса, русая коса. Ниже пояса. Наша студентка и почти выпускница.

Бедная моя голова! А шампанское – зло! Обманчивое и коварное! Так легко и весело пьётся, взбалтывая своими легкомысленными пузырьками кровь. Манит волшебством. Но так мучительно болит после него моя голова! Как расплата.

– Васенька, вы там собираетесь? Когда выезжаете? Мы успеем встретиться? Я бы хотела лично вручить тебе подарки! – спрашивала между тем моя сестрёнка.

В трубке были слышны чужие голоса и какие-то ещё непонятные звуки.

Совсем, абсолютно забыла, что собиралась с Женькой после праздника к своим родителям во Владимир до Рождества.

– Люсь, я не приеду, наверное, – протянула я неуверенно, приглушая звук.

– Ты что? Мам-папа не простят. Они готовились. Ма заставила отца весь хлам из всех углов на гараж отнести. Даже удочки! Прикинь? Там холодец специальный для зятя стынет! Ты что! – возмущённо зашипела Люська, прикрывая те-

лефон ладонью, отчего звук её голоса стал гулким, как из бочки.

– Люсь. Я Женьку застала в кровати с соседкой и выставила за дверь. С кем я приеду? – устало произнесла я, потирая виски кончиками пальцев.

– Вот гад! Тварь какая! Вась! Только не плачь! Я уже совсем скоро буду! – заволновалась Люда, и помолчав минутку, продолжила. – Тем более собирайся! Или родители к тебе сами поедут, ты же их знаешь!

– Ох, они могут! – согласилась я с ней.

Мама за свою кровиночку разнесёт наш дом по кирпичику. Причём с милой улыбкой и тихим голосом. Страшно представить этот пуховый танк во всей красе.

– Люськ, может, придумаешь что? Не хочу я… Все соседи же в курсе, что я с женихом приеду. Сплетен не оберешся! – пыталась отвертеться я.

– И давно тебя соседское мнение интересовать стало? Не придумывай и не отлынивай! И вообще! Я в электричке, уже в Москву к тебе еду! Мы же договаривались? Я маршрут тут составила, куда пробежаться по столице дня на три-четыре. Пока праздники. Мне ещё сессию сдавать! Вот как раз перед ней и погуляю. Заряжусь позитивом, – решительно заявила моя сестрёнка.

Я вспомнила, что обещала поселить Люсеньку у себя на несколько дней. Одну. Потому что она хотела отдохнуть от всех.

– А ты, если одна в своей Москве останешься, то ещё страдать надумаешь! Нет уж! Собирайся! И жди меня. Я скоро приеду! – сестра отключилась.

А я нырнула в горячую пенную воду с головой.

Знала бы ты Людочка как я страданула этой ночью! До сих пор в жар кидает. И мелкой дрожью тело отзывается только на одни воспоминания. На картинки, запечатлевшиеся в моей голове.

Вот оно оказывается, как бывает… случайно лучший вариант за всю мою жизнь! Я и не подозревала, что все эти разговоры о подкашивающихся ногах и щекотке в животе реальность.

Всегда думала, что это художественное преувеличение. Красивая придумка.

Про звёзды в глазах и о невозможной жажде партнёра.

Ёрничала по поводу бабочек в животе.

Да уж…

Много я упустила, стараясь контролировать процесс. Голову, как оказалось, в этом деле лучше отключить. Чтобы не мешала.

Похоже, всё-таки Женечка, к тому же, просто был совсем не мой мужчина. Или неумеха…

Я вынырнула из воды и убрала волосы от лица.

Как бы то ни было, а я правильно сделала, что сбежала. Нет, уехала! Ничего хорошего бы не получилось у нас с Андреем! Что он обо мне подумал? О моей доступности, распу-

щенности? Разве на такой почве может родиться уважение?

А отношений ради одной физиологии я не потяну. Привяжусь к нему. Привыкну. Прорасту корнями. Потом было бы сложнее уходить.

Вспомнила, как смеялась над шутками Андрея. Как с полуслова понимала, подхватывая цитаты. Как разбегаются мелкие морщинки от его глаз при улыбке.

Я уже скучаю. А что было бы, если…

Я вновь нырнула с головой, будто пенная вода поможет смыть воспоминания.

Так! Оставим мой моральный облик пока в стороне, и вернёмся к насущному! Реальность прежде всего!

Решительно вынырнула и, сложив пирамиду из пены, водрузила на неё мочалку. Та, медленно наполняясь лопающимися пузырьками, уходила под воду, уничтожая пену.

Что у нас в активе? В дебете, так сказать?

Во-первых, полное просветление по поводу Евгения и своего полугодового брачного эксперимента.

Во-вторых, честно говоря, я уже переступила через предательство. Закрыла тот период своей жизни. Было полное ощущение, что с момента эпичного броска яблока в лоб этого дурака прошло не меньше месяца.

В общем – я молодец! Отвлеклась от Женьки-подлеца качественно. Совсем почти не вспоминаю.

Даже обида улеглась. Почти. Пусть живут там, как хотят, спасибо, что поймала на измене сейчас, до свадьбы! И хоро-

шо, что не вышла замуж.

Ведь, положив руку на печень, я не любила Евгения. Этот кадавр, которого я создала вместо любви в своём сердце, изначально был мертворождённым. Чтобы строить крепкое здание, нужен, как ни крути, твёрдый и качественный фундамент. А между нами не было ни искры, ни взаимопонимания.

Пшик один. Как эта пена вокруг меня.

Вода в ванной стала остывать, да и кожа на пальцах скукожилась… Пора выползать, пока жабры не отросли.

Раз поездки к родителям не избежать, то нечего и тянуть. Дороги сейчас практически пустые, погода установилась. Осадков не предвидится. Нужно собираться.

В ожидании Людочки я поставила несчастную перемаринованную утку в духовку и, включив музыку, потопала собираться.

Подарки давно готовы и упакованы, вещей мне много не нужно. Поэтому управилась я быстро и от нечего делать в ожидании сестры, полезла по соцсеточкам посёрфить и поздравить знакомых.

Так, так, так… Что это здесь у нас?

Восьмая глава

В соцсеточках Женька изменил статус и запостил грустную картиночку со словами «Моя любовь сломала меня». Пф-ф-ф! Пафос, пафос! Больше пафоса богу пафоса!

Как я мирилась раньше с тем, какой он идиот?

Я отписалась от всех трёх его аккаунтов и вздохнула с облегчением. Фу!

А ведь живя рядом с ним, я тоже стала немножечко «Женеподобной» болотной лягушкой. Почти перестала читать умные книги. А главное, я не хочу больше учиться!

А это почти катастрофа.

Я всегда любила и умела учиться. Находится в процессе познания нового – это моя нормальная среда. Когда же я так изменилась?

Отвернувшись к окну, задумалась. Когда это я так понизила свою планку? Когда желание замужнего статуса настолько завладело мной, что стало почти всё равно, кто рядом? Лишь бы мужчина, способный дать мне ребёнка? А ощущение семьи я уж как-нибудь обеспечу себе сама?

А ведь это началось до появления в моей жизни Евгения. Где-то за полгода до нашей встречи. Я страстно захотела семью, и вся остальная жизнь ушла на второй план. Обесценилась.

И ведь почти получилось!

Звонок в дверь вывел меня из оцепенения, и я поплелась открывать дверь Люсьенде, предварительно на всякий случай глянув в глазок.

Сестра с мороза да в светлой курточке была чудо как хороша! Разрумянилась, голубея глазами, светясь здоровьем и радостью. Со своей светло-русой косой Людмила наша – просто русская красавица из зимней сказки. Снегурочка.

Она больше похожа на маму. Чуть ниже меня, но округлей в нужных местах.

И мягче меня характером.

– Вась, я хочу съехать от родителей! – поделилась со мной Люда после бурной встречи, взаимных подарков и поздравлений.

– Почему? – спросила я.

Мы сидели на кухне и пили чай после обеда. Утка удалась, и Люся её хвалила, но на мой вкус всё-таки, слишком много маринада. Он забил вкус мяса. Но идея с гречкой мне понравилась. Впрочем, это не столь важно.

Желание кулинарить у меня пока что немного поутихло.

– Пока я живу у мамы под крылом, я так и останусь младшей дочкой. Сложно отстаивать свою самостоятельность, находясь в полной зависимости. А я хочу попробовать жизнь на вкус. Сама. Своей жизни! – со сдерживаемой страстью проговорила сестрёнка и продолжила. – Тебе было в этом смысле проще, ты уехала сразу после школы учиться в Москву. А я под мам-папиным крылом так и пасусь, словно птенец.

– Разумно. Ты придумала, на что будешь жить и где? – спросила я. – Не забывай, что я работала в Москве практически с первого дня, как приехала. А это очень сложно, – добавила, видя, как встрепенулась сестрёнка.

– Я вначале хочу снять квартиру во Владимире. В другом районе и подальше от родителей. Попробовать, как получит-

ся. Я устраиваюсь на работу после праздников, – задумчиво проговорила Люся.

Такая потерянная, родная и решительная.

– Ещё, возможно, я после диплома попробовала бы пожить в Москве. Но не уверена совсем. Я вообще не представляю, как ты здесь живёшь? Для меня сама мысль, что на работу нужно добираться полтора часа, кажется нереальной! Зачем такие муки?

– Я не против. Возможно, стоит попробовать тебе пожить со мной. Но я не вижу большой разницы: что с родителями, что со мной – ты хозяйство ведёшь не одна, и не самостоятельно. Но для начала, для старта, пока не найдёшь квартиру-работу… В общем, думай! И я рада, что ты пытаешься вывалиться из гнезда. А кстати, замуж выходить проще всего, если успеешь, в институте. Шансов больше!

Мою Солярис занесло за два дня основательно. И носа не видать. Стоит сугробчик округленький. Без лопаты и не откопаешь. Ещё и сосед сверху успел, откапывая сегодня рядом свою тачку, накидать снег в мою сторону.

Ещё один нарцисс-эгоист на мою голову.

Я вздохнула и взялась за инструмент.

Через сорок минут, усмехнувшись, поскакала в квартиру переодеться и убрать лопату. Вот Людочка говорит о самостоятельности, а сама настолько привыкла к тому, что всегда есть кому сделать домашнюю текучку или решить возникшую проблему, что даже не замечает их.

Что-то я не заметила её рядом с собой, когда разгребала снег.

Ну, каждый сам строит свою жизнь. Посмотрим, возможно, всё не так страшно.

– Ну что, Хари! Прокатимся по холодку? Погода чудесная, люди только просыпаются, – приговаривала я, разговаривая со своей машинкой, пока она прогревается.

Я настроила радио на новогодние песенки, и, неторопливо выехала со двора. Когда поворачивала на дорогу, вроде заметила знакомый тёмно-синий ровер. Или не он? Но сердце бухнуло о рёбра, и кровь бросилась к лицу.

– Ох, Хари, кажется, я попалась! – прохрипела внезапно охрипшим голосом, – чудится уже во встречных.

МКАД вычистили и уже успели раскатать. Только три часа дня, а город уже ожил после новогодней ночи. Уже живёт и вовсю движется в новой жизни. Странная штука время! Пожалуй, самый невосполнимый ресурс в нашей жизни.

Я с улыбкой свернула на шоссе Энтузиастов, как всегда, поражаясь замысловатой логике и чёрному юмору, как Владимирский тракт, известная дорога каторжан, кокетливо сменила своё название.

Вот уже позади Балашиха, и дорога окончательно приобрела свой вид тёмной ленты среди бескрайних заснеженных полей и безлюдных лесов. Единственной живой нити, соединяющей людские города.

Девятая глава

Зимняя дорога – отдельный вид красоты. Специальный. Для возможности подумать о ненужной суетливости и бренности бытия.

Ни одной живой души, лишь хрупкая морозная красота. Монохромная. Не отвлекающая цветом от сути.

Перезагрузка природы.

«Умрёшь – начнёшь опять сначала и повторится всё как встарь…»

Улыбнулась и, глянув на датчик топлива, стала высматривать съезд на заправку.

Моя Хари была капризной девочкой. Особенно зимой. Не любит моя машинка холода. Как-то странно работает двигатель на низких оборотах. Нужно выбрать время и заехать на сервис. Ну а шумная печка мне лично не мешает. Главное, что она тёплая и быстро нагревается.

Три часа пролетели незаметно. И если вначале я ещё нервничала и дёргалась, вспоминая последние события, то, подъезжая к городу, окончательно успокоилась.

Предвкушала встречу с родителями.

Я выросла в дружной и любящей семье. В атмосфере любви. Возможно, от этого я и решилась строить себе семью. Мне не хватало любви и тепла, живя одной в Москве.

Родители могли ругаться между собой, могли ссориться и ругаться, но мы с Людмилой точно знали, что они любят друг друга. Это чувствовалось во взглядах, в ежедневной заботе, в миллионе мелочей.

Даже очень обиженная на отца мама всегда следила за его язвой. А отец, возмущённый непониманием женой очень важных политических моментов, обязательно укрывал мамочку шалью, когда она, разгорячённая спором, выскакивала из дома во двор.

Я и не представляла, пока жила в семье с родителями, что отношения между супругами могут быть иными.

И мы с Людой всегда были уверены: что бы ни случилось в жизни, всегда можно прийти к маме за советом. А папа сделает всё, чтобы внешний мир не сильно напрягал его семью.

Не скажу, что нас баловали, но поддержка была всегда.

Я не видела родителей почти три месяца и ужасно соскучилась. Мы приезжали с Женькой на мамин день рождения в начале октября, но очень кратко и бегом. Работа не позволяет часто ездить к родным. Вроде и близко Владимир от Москвы, но всё равно дорога утомляет.

А теперь есть возможность побыть вместе и окунуться в атмосферу родного дома.

Во Владимир мы переехали из северного Казахстана. Мне было пятнадцать лет. После бескрайней и ровной, словно стол, казахской степи с огромным небом от горизонта до горизонта было очень странно оказаться среди лесов и пригорков полей.

Первое время я всё удивлялась: как это деревья могут вырасти выше пятиэтажных домов? А на даче свободно растёт вишня и слива. А какие яблони! А груши!

Мы переехали весной, и вид цветущих садов до сих пор у меня ассоциируется с чудом и безбрежным счастьем.

А ещё Владимир для меня – это русская старина в живом и реальном виде. Память, которую можно пощупать. Если встать на высоком берегу Клязьмы, то при должном воображении можно представить толпы монголов под стенами города. Стенами, от которых остался лишь земляной вал да ворота.

И соборная площадь.

Дмитриевский собор с его резными каменными фасадами.

Наша Людочка, когда мы только переехали, зависала перед ним часами. Разглядывала невиданных животных на уцелевших сквозь века барельефах. Она у нас девочка впечатлительная и, немножко художник. Гуманитарий, что поделать.

Мы с ней сочиняли многосерийные сказки о волшебных птицах и улыбчивых львах с почти человеческими лицами.

Люда и сейчас, не очень афишируя, понемногу пишет фантазийные сказки.

Родители так и жили в пятиэтажке на Октябрьском проспекте. У них была возможность купить более современное жильё, но мама упёрлась и ни в какую не хотела уезжать из этой трёхкомнатной. Говорит, что ей удобно и парк рядом. И вообще, она привыкла, и всё тут.

– Мама! – всхлипнула я, падая в мягкие объятия сразу же,

на пороге.

– Тише, тише, моя девочка, ну что ты! – моя маленькая мама гладила меня по спине и по голове, утешая.

– Мать! Говорил я тебе, что выгонит этого хлюпика наша Васька поганой метлой! – прогудел отец, прикрывая входную дверь.

Я всхлипнула в последний раз и засопела.

– Так он вам не понравился? Женька? – нахмурилась и оторвалась от мамочки, вытирая лицо заботливо поданным папой платком.

– Не нам с ним жить. Разве мы можем вмешиваться? Да и представь, если бы мы тебе сказали тогда? Что бы ты ответила? А подумала? Ну и два часа общения мало что говорит о человеке, – улыбнулась мне мама, провожая на кухоньку.

– Он тебя обидел? – нахмурился отец.

– Обидел? Скорее унизил и… Изменил. Я застала его с другой. Это отвратительно, – призналась, усаживаясь за стол у окна.

– Он? Это рыжее недоразумение? – брови папы поползли вверх.

– Василиса! Тебе очень крупно повезло! Счастье ведь, что так рано расчехлился. Паразит! – веско проговорила мама, вручая мне чашку чая.

– Не кляни судьбу и не наговаривай! Хочешь, я сверну ему нос? – спросил папа.

– Я уже сама справилась. Правда, в нос не попала. Но и

так неплохо вышло. – ответила я ему, вспоминая бросок.

Как же хорошо дома! Прикрыла на минутку глаза, а когда открыла, то обнаружила на столе уже несколько тарелок.

– Погодите меня закармливать! Я ещё руки с дороги не помыла, а вы уже приступили! Родители! Я не голодная! Честное слово! – притворно возмутилась и, подпрыгнув со стула, побежала в ванную, пряча глаза.

Счастье, что у меня такие родители!

Десятая глава
POV Андрей

В прошлом году отец женился. Чуть больше месяца прошло со смерти мамы, как он привёл к нам в дом свою новую жену.

Аллочку.

Аллочка – стандартизированная блондинка с внешностью двадцатипятилетней красотки и глазами женщины тяжёлой судьбы.

Через неделю после этой свадьбы жена моего отца стала подозрительно часто попадаться мне в неглиже. То на кухне, когда я пью кофе, появится, то около моей комнаты заблудится.

С той поры я перестал ночевать дома и перебрался к себе в квартиру.

К тому моменту Маша, девушка, на которой я собирался жениться, уехала к маме во Францию. На недельку, как обычно.

Как она делала уже не один раз за те два года, которые мы прожили с ней вместе.

Я купил ей билет и проводил до аэропорта, ещё удивляясь количеству багажа. Дурак.

Прошло время, но Машка не вернулась. И даже не позвонила, стерва. Написала мне смс-ку: «Прости».

И всё.

Вышла там замуж за какого-то потрёпанного жизнью француза, с которым, оказывается, состояла в отношениях уже полгода.

А как красиво всё время рассказывала о своей любви ко мне! Пока жила у меня и за мой счёт.

Пикантная пошлость ситуации ещё и в том, что за полтора месяца до последней поездки, Машка попросила оплатить ей ринопластику. Нос у неё не такой, как нужно.

Так и получается, живу я теперь один. С собакой, которую покупал для Машки. И которую она безжалостно бросила. Как и меня, собственно.

Собака бестолковая, мелкая. Меньше кошки размером. И нервная. Не собака, а недоразумение дрожащее. Мальвина.

Манька, короче!

Но не выбросишь же на улицу? Тоже живое существо. Скучает, опять же, без меня. Встречает, радуется. Писается при встрече от счастья, буквально.

Да и я привык к ней. Всё не один. Вот уже скоро два месяца так живу.

А перед Новым годом мне нужно было самому смотаться в командировку в Тверь. В последний момент, так получилось, я нашёл там себе классного инженера и сманил его к себе.

Заманил служебной квартирой.

Нужно было обсудить решающие договорённости, а оба моих зама семейные люди. С детьми.

Вот и мотался я сам за Петром Семёнычем.

Зато привёз его сразу, без проволочек, буквально под Новый год. В квартиру на Борисовском проезде. Пусть обживается, жену перевозит. Да и третьего числа на работу. Что тянуть?

Если он мне линию отладит, я ему такую премию заплачу, что все его неудобства перекроет!

Вышел на улицу и задержался у машины. Канун Нового года. Остались считаные мгновения.

Я запрокинул голову к небу. Не знаю, на что я надеялся? Но когда увидел промелькнувшую в просвете облаков жёлтую, немного расплывчатую в морозном ореоле луну, то, сам не понимая почему, вдруг загадал: «Хочу семью!»

Задолбало одиночество.

Наелся.

Я не люблю шумные компании. Многолюдные. Где никто никого толком не знает и до тебя никому нет дела. Такие компании – время студенчества.

А в мои тридцать у всех приятелей уже семьи. Дети. У некоторых и не по одному.

Один я, будто пень старый стою тут, словно дурак!

Было непривычно тихо всего мгновение. Затем где-то рядом начали обратный отсчёт.

– Три! – полетело в ночное небо!

– Два – откликнулось эхом между домами!

– Один! Ура-а-а-а! – взорвался криками город. Или фейерверками.

Я отошёл за угол дома и залюбовался, как весело и искренне, совершенно удивительно для меня, играли в снежки дети и девушка в белой шапочке с помпоном в ярком лыжном костюме.

Судя по тому, как ловко она уворачивалась от летящих в неё снарядов целой толпы счастливых детей, барышня костюм носит не для понта.

Я люблю спортивных людей. Я и сам с удовольствием стараюсь держать себя в форме. Если у человека есть такое совершенное тело, то отчего не использовать его, по возможности. В конце концов – это красиво!

Мне некуда было торопиться, и я с удовольствием наблюдал за барышней. Как она смеётся, как она падает, как она ловко отклоняется. Как она грамотно и ловко бросает снеж-

ки. Аккуратно, чтобы не попасть детям в лицо.

Я зазевался и не отреагировал, когда она подошла ближе? Или это я подобрался к ним, чтобы лучше видеть?

Ужасно хотелось увидеть лицо этой девушки.

И тут мне прилетел снежок за шиворот.

Бр-р-р…

– Простите! Давайте я отряхну! – вдруг подскочила ко мне девушка.

Румяная, улыбчивая, с сияющими глазами.

До невозможности захотелось узнать, какого цвета эти глаза…

Барышня тем временем что-то прощебетала про подарок, притащила меня на буксире к подъезду и велела стоять на месте и ждать.

Смешная.

Милая.

И убежала…

Я постоял минутку и, тряхнув головой, подогнал машину к подъезду.

Понимал, что глупо стоять здесь, как дурак, но всё равно тянул время и ждал. Не уезжал. Зачем-то полез править треснутый козырёк над багажником.

Значительно позднее, когда между поцелуями я выпытывал её имя и услышал протяжное «Ася-я-я-а-а», я понял, что не хочу отпускать от себя эту девушку просто так. Хочу узнать её лучше.

Потому что ни с кем я ещё так весело не ел салат из одной огромной миски. Реально – тазик оливье в подарок на Новый год.

Потому что она подхватывала цитаты, которые я вечно сую в свою речь, когда волнуюсь.

А как она заливисто и откровенно смеётся! Не хихикает льстиво, не гогочет грубо, не давится смехом, пытаясь казаться утончённой. Она смеётся легко и весело, потому что ей реально смешно то, что я рассказываю.

У нас похожее чувство юмора!

Утром позвонила Аллочка – жена отца, и устроила истерику, что мне срочно нужно забрать Маньку. Потому что моя собака её укусила! И если я прямо немедленно не приеду, то несчастное животное выкинут на улицу.

Вот тварь!

Манечка не отравились бы!

В огромном доме отца не нашлось, видите ли, места для крошки-собаки на денёк!

Я подоткнул одеяло сладко спящей Асе. Жалко было будить! Написал записку и положил на тумбочку у кровати, придавив книгой.

Полюбовался немного тенями от ресниц на бархатных щеках красавицы и, вздохнув, побежал к машине. За час-полтора успею обернуться туда-обратно!

Одиннадцатая глава

Два дня я ела, спала, обложенная котами, и снова ела. Ещё

немножко помогала по ерунде всякой.

К примеру, мама по какой-то древней непонятной причине, скорее всего, отдавая дань привычке, перебирала купленную гречку. Высыпает на стол и ловко разгребает пальцем колючие крупинки в разные стороны.

Или сама прядёт вычесанный с трёх котов пух. Вначале начёсывает, аккуратно, чтобы волосинки лежали желательно в одну сторону, небольшие скрутки из пуха. А затем вытягивает из них нить на веретено, запуская его характерным движением, словно волчок.

Это похоже на волшебство.

Такая женская магия. Зимняя.

Сядешь с ней рядом, и пока руки делают простую и монотонную работу, можно проговорить все свои печали и проблемы. И боль отступает. Наматывается в клубочек, чтобы стать варежками или поясом для папиной спины.

– Не спеши, дочь. Не гонись за призраками. – тихо приговаривала мама, скручивая в одну спрядённую нить с двух веретён, пока я их придерживала, чтобы не путались между собой.

– Мам, мне почти тридцать! – в сердцах воскликнула, не ожидая сама от себя, что прорвётся наружу моё отчаяние.

– Василиса, я пока ещё помню, когда тебя родила! Не выдумывай! Тоже мне, возраст – двадцать пять лет! Совсем девчонка! – усмехнулась мамочка.

– Скажешь тоже… – я смутилась от своего порыва и от-

вернулась бы, но нужно держать внимательно эти вёрткие штуки.

– Самое время жить. В двадцать пять ещё горит задор и авантюризм в крови, но уже пробиваются зачатки разума и осторожности! Оглянись вокруг! – тепло взглянула на меня, будто погладила мама.

– Ма, я чувствую себя на тридцать пять… И мне хочется закуклится. – тяжело призналась, опуская глаза.

– Ну и дура! А я чувствую себя на тридцать пять, и мне хочется летать! – усмехнулась мама, и завершив свой клубочек ловко закрепила конец нити.

Она встала и аккуратно собрала образовавшийся вокруг нас мусор. А затем, приподняв руки, сделала несколько танцевальных движений из латины, подпевая тоненьким голосом.

– Ты нянчилась со своим мальчиком Женечкой, вот и придавило тебя материнским инстинктом, – вышел на звуки маминого пения папа и, подхватив мамочку, завершил движение и чмокнул её в щеку, удерживая в объятиях.

– И что мне делать? – я так и сидела на стуле с веретёнами в руках.

– Наслаждаться каждым днём своих юных двадцати с хвостиком лет! И делать глупости! – улыбнулась мне мама.

– Не дёргайся, судьба и на печке найдёт, или делай, что должно, а там будь, что будет – вторил ей папа.

– Ох, мам-пап! По глупостям я крупный специалист, не

сомневайтесь! – закатила я глаза, вспоминая свой новогодний загул и невольно краснея.

– Это же прекрасно! – подмигнула мне мама из-под папиной руки и немного поелозила затылком о его плечо.

А на третий день мне неудержимо захотелось домой. В Москву! Раз уж так случилось, что у меня образовалось свободное время, то в самый раз найти себе подработку!

Ипотека сама себя не выплатит. Нужно дёргать лапами, работать!

Мама посмотрела на мои метания по дому, в попытке сделать всё запланированное за один день, и к вечеру, за ужином, предложила собираться домой.

– Поезжай, милая. Но на майские ждём. Приезжай помогать с огородом.

Рано с утра, нагрузившись домашними заготовками, я ехала среди заснеженных полей в Москву.

С абсолютно другим настроением. Спокойная. Обласканная родительским теплом. Умиротворённая.

Низкие тучи висели над миром. Тёмные. Беременные снегом. Ветер кружил позёмкой по дороге. Свистел, пугая вьюгой. Вдали темнел суровый зимний лес.

Зима выпивает силы. Холодом, снегом, просторами, пургой и метелью. Страшное время выживания, суровая пляска холода по древним русским землям.

Но зима – это и время домашнего уюта и тепла. Семейных посиделок и долгих вечерних разговоров за чаем. Время, ко-

гда человек особенно нуждается в другом человеке рядом с собой. Время делиться душевным теплом.

Да, мама права. Я слишком суетилась в поиске своей половинки. И за этой суетой в суррогате будней забыла, как оно ощущается, это настоящее тепло.

В конце концов, и одной жить неплохо. Есть время на новую работу, или можно, например, поучиться.

Сертификацию пора пройти. Сдать экзамены на главного бухгалтера.

А то работаю под честное слово… А так и зарплата будет выше. Да и можно поискать место получше.

Я работала в конторе, которая занималась строительством и ремонтом производственных помещений. Устроилась бухгалтером и проработала два года, когда наша главный бухгалтер от нас уволилась. Директор попросил её заменить. Временно. И я заменяю. Уже больше полугода.

Ещё по удалёнке веду три мелких предприятия. Но это, так… На прокорм.

– Людочка? Ты дома? Я подъеду в течении часа. Помоги мне разгрузить мой грузовичок. – попросила я сестру, дозвонившись со второго раза.

–Ой! Ты уже едешь? – удивилась она и продолжила, зевая, – хорошо, как подъедешь, звякни!

Я усмехнулась. Время почти девять, а наша Людмила ещё в постели.

Москва встретила пробками и вечной суетой. Всё как все-

гда в вечном городе.

Пока мы с сестрой затащили к лифтам перебежками сумки с маминими баночками и обязательным мешком картошки, то и устали и растрепались. Тяжело и неудобно тащить, зато потом будет вкусно есть!

И, как всегда, именно в этот момент нам посчастливилось встретиться.

Элочка выплыла из приехавшего лифта в сопровождении Женечки.

Элка злая, а Женька – заискивающе смотрящий ей в глаза.

Стоило меня увидеть, как выражение их лиц стало одинаковым. Высокомерно-идиотским.

Какая гармоничная пара!

Двенадцатая глава

Людмила за три дня в моей квартире умудрилась вылизать её до блеска. Она что? Совсем не выходила на улицу?

– Мне очень некомфортно одной в Москве, хорошо, что ты быстро вернулась, – призналась сестра, когда мы, разобрав сумки, сидели с чаем и крыжовенным янтарным вареньем на кухне.

Прозрачные золотисто-зелёные тягучие капли падали вязко обратно в вазочку. Я держала над ней ложечку с крупной ягодой, начиненной четвертинкой грецкого ореха, ждала и слушала Людочку.

Сестра сидела, сгорбившись, обхватив ладонями чашку, и пила чай маленькими глоточками.

– Я размечталась, что смогу и хочу жить одна, а получается, что мне одной невыносимо. Я выхожу в город, где совершенно никому нет до меня дела, и миллионы чужих людей просто проходят мимо, как сквозь пустое место, и мне очень некомфортно. Эта безликая толпа народа меня пугает, – говорила Люсенька.

– Люсь, прошло всего-то три дня…

– Почти пять! Вась, я думала, что с ума тут сойду одна. Я поехала в центр города на следующий день, как ты уехала. Прошлялась там до вечера. Заблудилась, замёрзла, у меня украли кошелёк, и я с трудом добралась до дома. Хорошо, что проездной просто в карман сунула и телефон тоже. От постоянного городского шума у меня всё время болит голова. – жаловалась сестрёнка, – и продукты у вас отвратительные!

– Всё плохо? – улыбнулась я.

– Всё ужасно. Когда мы с тобой вдвоём, то меня город не пугает. А одной – ужасно! – повторила Люся и решительно сказала, – нет, в Москве жить я точно не хочу! Мне не нравится эта прорва народа!

Слушала сестру и соглашалась с ней. Люся совсем в другом ритме живёт. В другой плоскости. Если для меня неторопливая домашняя женская работа – это разовое развлечение, то Людочка существует в этом. Зуб даю, что орехи в гигантский крыжовник запихивала она по своей инициативе, раскопав предварительно рецепт.

Ей бы замуж, а не города покорять…

– Кстати, к тебе в квартиру ломился какой-то мужик! Искал Асю! Я в окно твою машину проводила и тут звонок в дверь. Я ему открыла, думала, что ты вернулась. А он стоит и зыркает зло на меня! Асю ему надо! Ну я и пригрозила, что вызову полицию! Представляешь? Только ты уехала, а у меня уже приключения начались! – Люся взмахнула руками от негодования.

– Прямо в двери? Без домофона? – удивилась я

– В дверь! Прикинь? Испугал меня! – Люська дёрнула плечиком.

Я смотрела на растерянную сестру и видела, какая огромная разница между нами двумя.

– Вась, правду говорит Лялька, моя одногруппница. Я несовременная неудачница со странными привычками и манерами. У меня несовременный, отличный от других вкус и не менее дикие привычки. – бубнила поникшая Люда.

– Собирайся, поедем Москву смотреть! В Рождественский сочельник она прекрасна! – сказала, и, спохватившись, что доела всё выложенное в вазочку варенье, поспешно встала из–за стола.

– А помнишь, как мы гадали с зеркалами в бане на даче под Рождество? – чуть улыбнулась Люда.

– Это когда тебе привиделось что-то в тени Зазеркалья, и ты визгом отца напугала? Помню, конечно! Как заскочил батя в трусах и в куртке, но с ружьём наперевес! – ответила

ей, приобнимая за плечи. – Одевайся теплее. Хочу показать тебе плоды настоящих чудачеств.

Мы с сестрой, всё ещё хихикая от воспоминаний, вышли из подъезда и наткнулись на тётушку, вроде старшей по дому, или что-то в этом роде. Общественница-энтузиаст Баб Лена.

Она что-то говорила несчастному заарканенному соседу, держа его за рукав, о несанкционированных объявлениях, которые какой-то злостный нарушитель развесил в нашем лифте.

Уже бумажку в лифте нельзя повесить без её разрешения, фыркнула я и ловко прошмыгнула мимо, выдёргивая за собой сестру.

Мы поехали на метро. Тащиться в праздничный центр на машине может только фанат-автомобилист. Любитель помучится с парковкой.

Выскочили на Театральной, сразу оказавшись в плотном потоке зевак, туристов, отдыхающих и праздно шатающихся.

Город сиял. Переливался огнями и мишурой.

Я не хотела переходить на Площадь революции под землёй специально. Мне хотелось провести Людочку среди праздничного и весёлого народа. В захватывающих дух декорациях праздника.

Глупости какие надумала! Бояться толпы. Со мной никакая толпа не страшна!

Мы обошли Театральную по большой дуге и, нырнули

вновь в метро к сияющему бронзовому носу служебной овчарки.

Ещё немного и вот мы на Воздвиженке напротив странного дома псевдомавританского стиля. Дитя модерна.

– Смотри. Видишь этот дом с ракушками на стенах? Дом – жемчужина.

Его построил очень странный чудак. Племянник того Саввы Морозова со сложной репутацией и подозрительными знакомствами.

Мама Арсения купила на этом месте участок земли после пожара и подарила сыну, как знак признания. В надежде на то, что сын остепенится. А сыночек, к этому моменту воодушевлённый мавританской Испанией и португальским замком, решил всё иначе. Когда он строил этот дом, над ним потешалась вся Москва. Не было просвещённого человека, который бы не прошёлся язвительно по проекту и не высказал бы своё «фи».

Однако прошло чуть больше века и посмотри, сейчас это здание – украшение города. Перчинка, оттеняющая стиль Москвы.

А где злопыхатели? Что они оставили после себя?

Мы топали уже по Никитскому бульвару. И его чугунные столбы характерных и узнаваемых фонарей с лавровым венком, оттеняли чернотой и монументальностью весёлые огонёчки и замотанные гирляндами деревья.

Гудели машины. Звенел, прорывался праздник из откры-

тых окон, из смеха встречных детей.

Затем я утащила Люсеньку в переулки. И мы петляли по гулким и пустым зимним улочкам, выруливая на Никитские. Здесь сохранилось много особняков старого города, которые отданы под посольства. Поэтому в морозной свежести преддверия Рождества этот кусочек Москвы был тих и безлюден.

На углу Спиридоновки притаилось чудесное здание в стиле модерн. Стилизованное Шехтелем на итальянский манер.

Немного пропетляв, мы вышли в соседний Гранатный переулок. Здесь стоит знаменитый особняк Леман. Сейчас это Центральный дом архитектора. И его можно рассматривать часами. Моя мечта – побывать в нём на экскурсии.

Пройдя дальше на Малую Никитскую, мы пролетели мимо городской усадьбы Долгоруковых-Бобринских, известной как дом Ростовых из кино; мимо строгого особняка посольства Испании, где раньше, как говорят, жил режиссёр Немирович-Данченко.

Ещё немного вперёд среди стылой позёмки, и вновь вокруг нас шумная и деловая Москва. Подземный переход и тепло кофейни напротив метро.

Людочка, разрумянившаяся, немного ошалевшая, но с весёлым блеском в глазах рассказывала мне о своих планах. А я охрипла от разговоров на морозе, и теперь с удовольствием отогревалась с горячим какао в обнимку.

Домой приехали в сумерках. И мне вновь привиделся знакомый тёмно-синий автомобиль, выруливающий от нашего

подъезда.

Да что ж тут поделать?

Я потянула сестру за руку и зашла за угол дома. Ближе к школе. Туда, где мы встретились с Андреем.

Здесь было тихо и безлюдно. Свет фонарей очерчивал яркие круги на снегу, не разгоняя темноту, а лишь подчёркивая её.

– Смотри! Где тут первая звезда? – я запрокинула голову и пыталась рассмотреть на небе вестник Рождества.

– Смотри! Какой упорный парень! – указала мне Люська в сторону, где среди снега выделялась надпись: «Ася! Отзовись!» И осыпавшийся номер телефона рядом.

Тринадцатая глава

На следующий день я проводила сестру на вокзал и посадила в поезд.

– Я поняла, не стоит сильно доверять первому впечатлению, – сказала мне на прощанье Люсенька.

– Ты не торопись, подумай. Возможно, снять квартиру недалеко от родителей, это не самая плохая идея. Слишком сильно тебе придётся менять себя в Москве, – обняла её на перроне.

Есть что–то мистическое в вокзалах. Место, где остро ощущается неизбежность перемен. Именно в этом моменте и в этой точке время осязаемо.

С запахом креозота и горячего железа, озона от искрящих проводов, многоголосым шумом толпы, монотонным голо-

сом объявлений и среди резких гудков мы чувствуем грань.

За этой чертой всё будет по-другому.

Внутри монстра железнодорожного вокзала ты крошечная песчинка в буре событий.

Но стоит лишь сделать несколько шагов, выходя на улицу, и магия рассеивается в городском шуме. Вокзал становится просто ещё одним зданием.

Добралась до скучающей на стоянке машины и отправилась в офис.

Мне нравится работать с отчётами, если никто не мешает, во внеурочное время. Когда ничто не отвлекает и можно сосредоточиться на решении конкретной задачи.

Наш офис располагался недалеко от метро Коломенская. На берегу реки и напротив бывшего завода ЗИЛ. Окна моего кабинета выходят на реку, и вид с высокого этажа был изумительный.

Я любила пить чай, любуясь панорамой города. Выискивая знакомые места.

Посмотрев направо, я улыбнулась. Неизменную секретаршу нашего офиса, степенную Наталью Николаевну, даму бальзаковского возраста и ревнительницу традиций, страшно раздражали почти все новые здания в её любимой столице. К примеру, выстроенный в виде волшебного замка детский развлекательный центр чуть правее от нас через реку вызывал у неё ярость. Она обзывала это сооружение победой кича над разумом и презрительно кривилась.

Была бы она сейчас рядом, то непременно бы высказалась.

А я считаю, что всё это – приметы времени. И облик города от них, конечно, изменится, но в том и суть перемен. Глупо не принимать их, выпадая из реальности. Тем более, что от моего мнения вряд ли что-то зависит.

Время стремительно неслось, вытекая сквозь пальцы. Полдень уже давно позади и пора собираться домой. И мой рабочий настрой испарился, словно морозный туман поутру.

К сожалению, экзамен на сертификат в большинстве случаев можно пройти лишь после курсов. Я полазила по профильным форумам и записалась на курсы при журнале Главбух… Или лучше походить не онлайн, а вживую? С народом пообщаться?

Невольно мысли сползли с бухгалтерских чётких вершин в болото людских отношений.

Практически впервые после Нового года я осталась одна. Наедине с собой. И в этой звенящей пустоте можно начать подводить итоги.

Сегодня ранним утром, ещё до рассвета, в рождественской звенящей тишине городского утра, были видны звёзды и молодой тонкий месяц. И я рядом с Людочкой не чувствовала себя одинокой. Мне было хорошо.

А сейчас я ехала по Каширскому шоссе в потоке под серым, вновь низким зимним небом, и вяло пыталась собрать себя, понять.

Обида на Женьку почти выветрилась. Сейчас я чётко ви-

дела, что ничего хорошего из нашей совместной жизни бы не получилось. Слишком мы разные. Слишком он для меня чужой.

Я не чувствовала его никогда так, чтобы предугадать, что принесёт Женьке радость. Ну, кроме моих денег, моей квартиры, моей еды. А кроме материальных благ между нами ничего и не было.

Мы с ним и по вечерам в основном молчали. Даже сериалы смотрели разные. Хотя я старалась понять, но так и не добилась от него внятного определения его интересов. Женька ускользал от моих расспросов. Спросишь прямо: «Что ты смотришь? Тебе это нравится?» А в ответ: «Пока не знаю, но это модно».

И я не помню, чтобы он смеялся. Чаще губы были презрительно поджаты.

Обидно, что меня использовали, вернее, я сама подставилась под этого… Воробушка.

Крылышками «бяк-бяк-бяк-бяк» допорхалась до логичного конца.

Будет мне наука.

В целом, я ситуацию с Женькиной изменой пережила и сейчас смотрела на всё, как в прошлое.

А вот иррациональная обида на Андрея внезапно заскреблась на сердце.

Мог бы найти меня! Как этот неизвестный несчастный упорный парень, что ищет свою Асю!

Хотя, если трезво подумать, то как? И зачем?

Но где трезвые мысли и Василиса, что сама повисла на незнакомом парне?

Приехала домой и, слоняясь по пустой квартире, поняла, что скучаю не по изменнику Женьке. И даже не по своей мечте о семье. А по Андрею и его серым зимним глазам в окружении мелких морщинок человека, привыкшего улыбаться.

Вздохнула поглубже и, резко выдохнув, пообещала себе всё забыть!

Я ещё вчера вместе с Людмилой накупила соседским сорванцам и моим друзьям мешок мелких подарочков. Ни к чему не обязывающих, но приятных.

Пару настольных игр, немного мишуры, немного школьной канцелярки, мандарины и стеклянные шары. Так. По мелочи.

И сегодня, в рождественский вечер, упаковав подарки вначале в коробочки, коробчонки, коробейки, я засунула всё это богатство в мешок и позвонила в соседскую дверь.

– Вася! – детский визг оглушил и заметался эхом по подъезду.

– Ася-а-а-а, А-а-а-ася-я-а-а-а…

– Ася?

Вот чёрт!

Я же видела машину Андрея пару раз за это время! Как раньше не догадалась?

Овца!

Он же ищет меня!

Радостью вспыхнуло и затрепетало моё сердечко.

– В какой квартире у нас живёт баб Лена? – спросила я у ошалевшей соседки.

Четырнадцатая глава

POV Андрей

Аллочка ожидаемо встретила меня чуть ли не у порога. На верхней ступеньке лестницы, что ведёт из холла на второй этаж. В чём-то шелково-прозрачно-кружевном. Тряпка красиво разлеталась от движения, открывая великолепно проработанные ноги по самое не могу. Впрочем, даже немного больше.

Женщина медленно, держа в руках бокал, шагала на своих каблучищах, замирая на каждой ступеньке для большего эффекта.

Тщательно накрашена. Причёсана.

Ждала в засаде, не иначе!

– С Новым годом, Андрэ!

Я достал телефон и, включив камеру, направил на красотку.

– Такое дефиле стоит запечатлеть, – усмехнулся в изменившееся от злости лицо.

Вот тварь.

– Манюня! – позвал, повышая голос.

Странная тишина мне была ответом.

– Где моя собака? – я посмотрел в пьяные глаза этой дуры.

– Откуда мне зна-а-а-ать? – протянула Аллочка и сделала ещё один шаг.

– Что ты с ней сделала?

– Ты, что импотент?

– Маня! Манечка, – пошёл я по дому быстрым шагом, открывая все двери подряд и прислушиваясь.

– Андрэ! Подожди! – загрохотали следом за мной каблучищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.